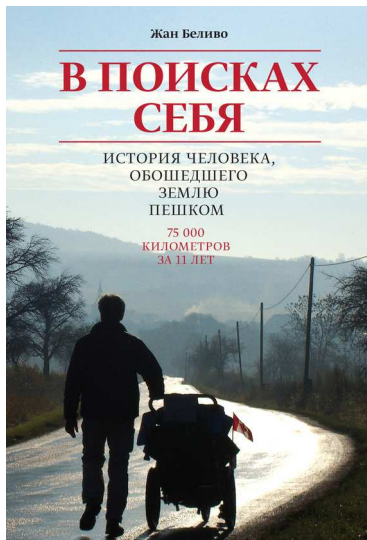

Жан Беливо

В ПОИСКАХ СЕБЯ

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА,
ОБОШЕДШЕГО
ЗЕМЛЮ
ПЕШКОМ

75 000
КИЛОМЕТРОВ
ЗА 11 ЛЕТ

Жан Беливо
В поисках себя. История человека,
обошедшего Землю пешком

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8272226

*В поисках себя. История человека, обошедшего Землю пешком / Жан Беливо ; в сотрудничестве с
Жеральдиной Вёсснер: Манн, Иванов и Фербер; Москва; 2014
ISBN 978-500057-010-4*

Аннотация

В 45 лет в кризисной для себя ситуации Жан Беливо неожиданно сам для себя отправился в пешее кругосветное путешествие почти без денег, бросив налаженный быт. За 11 лет он обогнул планету и вернулся домой совсем другим человеком. В книге собраны его впечатления от стран, которые он прошел на своих двоих.

Содержание

Предисловие для русских читателей	5
«Я и мои башмаки...»	7
Начало	9
Официальное заявление	13
Храни тебя Господь!	16
Мексиканские проделки	23
У врат мира	32
На спине дракона	35
Пустыня Атакама	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Жан Беливо

В поисках себя. История человека, обошедшего Землю пешком

Jean Béliveau

L'Homme qui marche

Récit écrit en collaboration avec Géraldine Woessner

Записано в сотрудничестве с Жеральдиной Вёсснер

*Издательство благодарит Владимира Яковлева за рекомендацию этой книги
На обложке использованы фотографии автора и Глена Аркоса Молины*

Все изображения, включенные в книгу, являются исключительной собственностью Jean Beliveau le Marcheur Inc., используются только для целей настоящей публикации и не могут быть использованы для других целей без письменного разрешения Jean Beliveau le Marcheur Inc.

© Flammarion, Paris, 2013

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. «Манн, Иванов и Фербер», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Вегас-Лекс».

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Предисловие для русских читателей

«На пороге нашей квартиры, взглянув мне в глаза, Люси кладет в мою ладонь ключ, который я отдал ей одиннадцать лет тому назад. И с улыбкой произносит: «Входи».

Этими словами заканчивается моя книга *L'Homme qui marche*. И начинается совершенно новый этап моей жизни, захвативший меня в стремительный круговорот событий и новых лиц, знакомств, встреч, конференций, выступлений и интервью...

Мое путешествие, казалось бы, закончилось, но в тот момент, открывая своим ключом дверь нашей с Люси квартиры, я даже не предполагал, что будет впереди. Интересно, что медики, которых я повстречал в разных странах за одиннадцать лет моего марша мира, неоднократно предостерегали: «Жан, возвращаться к обычной жизни ты будешь с большим трудом, болезненно, жестко! Не питай иллюзий, ты не проснешься утром как ни в чем не бывало!» Так и вышло... Наутро после моего возвращения никто, конечно, не дал мне поваляться в постели: журналисты обрывали телефон, договаривались о встречах, съемках; начали поступать предложения от издателей. Та жизнь, от которой я когда-то ушел пешком в дальние страны, застигла меня буквально врасплох. На то, чтобы привыкнуть к ней, я потратил целых полтора года! Впрочем, это не должно вас удивлять. Мне рассказали историю одного путешественника, который, вернувшись на родину, не смог смириться с повседневной жизнью и предпочел покончить с ней... Таким образом, мои болезненные полтора года «возвращения в привычное русло» – это не так уж много. Люси поддерживала меня и заботилась со всем присущим ей теплом и нежностью. Другого выхода у меня не было: я все-таки вернулся в привычный мир.

Путешествие окончено. Однако я не исключаю, что у него однажды случится продолжение. Дух приключений не иссяк во мне за годы странствий, а лишь укрепился, да и на планете остались еще не исследованные мной места! Я так и не побывал в России. Признаюсь честно: меня испугали ваши немыслимые, невероятные холода. По первоначальному плану, из Германии я должен был отправиться пешком через всю Скандинавию в сторону Санкт-Петербурга и таким образом начать исследование российских бескрайних просторов. Но шел седьмой год моего путешествия, я был порядком измучен и не чувствовал в себе достаточных сил противостоять еще одной холодной и снежной зиме. Именно тогда я принял решение изменить маршрут и отправиться южнее, через Восточную Европу в сторону Турции. Не стоит приписывать моему решению никаких политических мотивов: я действительно передумал исключительно из-за тяжелых погодных условий. Россия всегда представлялась мне огромной и очень интересной страной с богатейшей культурой, и кто знает, может быть, следующий этап моих приключений мог бы произойти именно здесь? По крайней мере, я был бы очень рад этому обстоятельству.

За время пути мне доводилось несколько раз встречать русских. Однажды в Африке, вынужденно проведя целую ночь в здании местной тюрьмы, я познакомился с российской съемочной группой. Русским телевизионщикам очень понравилась моя «милая» история, хотя, конечно, поначалу они засыпали меня уже ставшими привычными вопросами: «Страшно ли передвигаться в одиночку? Как вы выживаете? Вам не кажется, что вы немного сумасшедший?»

В другой раз я встретил россиян в новогоднюю ночь в одной венгерской деревушке. Не помню точно, как туда попали эти русские туристы; кажется, они приехали поохотиться. Зато отлично помню, как весело и душевно мы встретили вместе Новый 2007 год в атмосфере искрометного праздника, как шутили, смеялись, любовались фейерверками. А еще в ту ночь меня часто приглашали танцевать – и я был одновременно и счастлив, и подавлен: ведь приходилось не столько наслаждаться красивыми и улыбающимися женщинами,

сколько следить, не отдавлю ли я им ноги, кружась в вальсах и польках... Кстати, те русские ребята очень сильно попеняли мне, когда узнали, что я обошел своим вниманием Россию. Они так и сказали: «Жан, ты много потерял! У нас прекрасная страна и есть что посмотреть! Ты зря изменил маршрут!»

Предвосхищая свою встречу с русскими читателями, которым только предстоит открыть эту книгу, я пребываю в легком и приятном волнении. Как им понравится моя история? Что скажут они о путешествии странного канадского парня, вознамерившегося пешком истоптать целую планету? Как воспримут мои суждения о культуре, истории, политике и простых бытовых вопросах в самых разных странах, разбросанных по всему земному шару?

Мой марш мира завершился. И вместе с тем он продолжается. Я не перестаю встречаться с читателями по всему миру, где выходят мои книги, часто приезжаю с лекциями в школы, занимаюсь благотворительностью. Мое знакомство с вами еще впереди. Искренне надеюсь, что это будет очень приятная и дружеская встреча.

*Записала и перевела с французского
Светлана Александрова*

«Я и мои башмаки...»

Я познакомилась с Жаном в погожий сентябрьский денек в Онтарио, на полпути от Кингстона к Веллингтону. Тогда мне довелось делать репортаж об этом обаятельном бродяге, возвращающемся домой после «покорения мира». Я смотрела на него и напевала: *«Moi, mes souliers ont beaucoup voyagé... В своих огромных башмаках я прошагал полмира...»* – песня великого Феликса Леклерка как нельзя лучше ложилась на историю Жана Беливо.

Вот он идет по опушке леса, толкая перед собой свою знаменитую коляску, то и дело поддевая носком ботинок – пятьдесят третьей по счету пары! – полевые цветы, растущие тут и там по обочине дороги. На лоб низко надвинута мягкая шляпа. На коляске прицеплен флажок с одиноким листиком¹. Он приостановился на минутку и, обменявшись с оператором приветствиями, отправился дальше, сосредоточенно глядя вперед – туда, где уже маячила финальная точка его путешествия, настолько близкая, что Жан не мог больше позволить себе ни минуты промедления. Один его шаг равнялся четырем моим! В этот день мы говорили совсем немного, буквально на бегу. Жан терпеливо относился к просьбам оператора, то прибавляя шаг, то приостанавливаясь погреться на солнышке, то возвращаясь к уже пройденному отрезку пути. Но каждый его жест, точный и сдержанный, каждая морщинка на усталом лице были гораздо красноречивее словесных обрывков его удивительной биографии... Одиннадцать лет тому назад отчаяние заставило его пуститься в нелегкий путь вокруг земного шара. И Люси, любовь всей его жизни, сумела понять и принять это решение и дожидаться его из дальнего странствия.

Не могу сказать, что в этой встрече взволновало меня больше всего. Быть может, сила крепкой и незыблемой любви Жана и Люси. Или отвага этого путешественника. А может быть, эта крупица безумства, воплощенная мечта, подаренная людям вера в то, что «всё случается на свете, если очень захотеть»...

Каждому когда-нибудь приходила в голову мысль бросить всё и уйти. Бросить мир, полный условностей и противоречий. Разорвать путы и вырваться *на свободу*. Но как на это решиться? А если решиться, то *во имя чего, чёрт подери?*

Жан отправился в путь без какой-либо цели. Без особенной подготовки, без денег – просто однажды утром вышел в путь. Тогда он еще не знал, что *уже* стал свободным.

И чтобы попытаться измерить глубину этой пьянящей свободы, я предложила Жану помощь в создании этой книги...

Месяцы напролет в крошечном кабинете их квартиры на Диксон-стрит мы говорили, перебирая карты, маршруты, фотографии... В один прекрасный день Жан-молчун, Жан-скромняга поднялся, подошел к шкафу и извлек оттуда коробку, полную блокнотов. Изрядно потрепанных, вымазанных грязью, песком и солью... Это были дневники его путешествия.

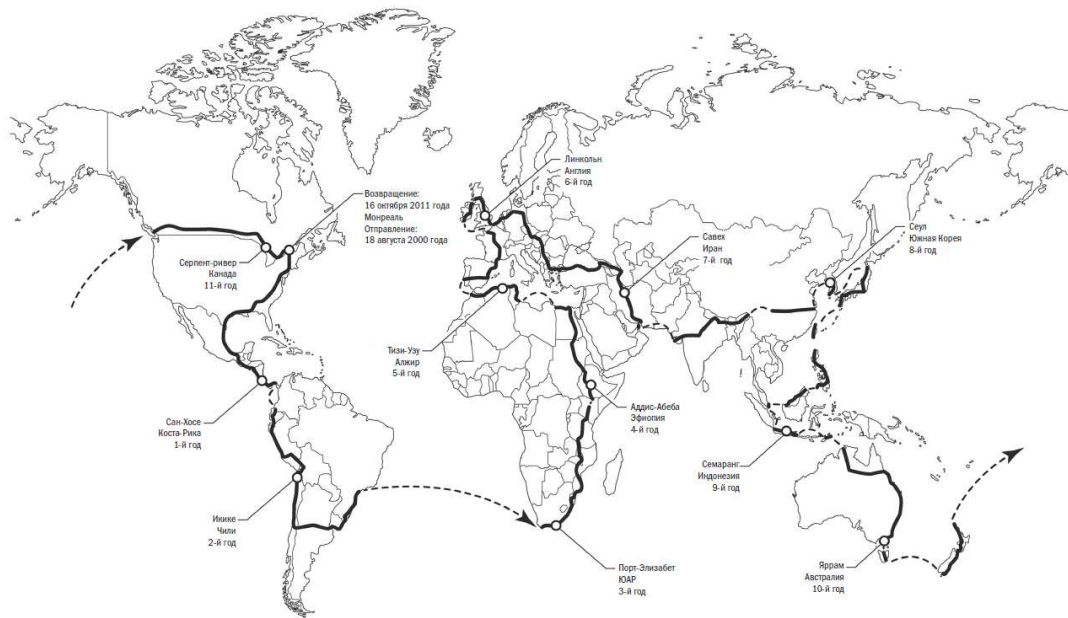
Листая страницы этих путевых заметок, я наконец сумела разгадать его. Обрывочные слова, набросанные карандашом, то плотно уложенные в столбики, то вытягивающиеся в пространные предложения и упирающиеся в странные схемы, изображающие «ничто», и в наброски луны... Меня не покидало ощущение, что в руках у меня дневник Маленького Принца, полный жизни во всей ее свежести, странности и поэтичности.

Жану удалось сберечь свою детскую душу. Годы промчались стрелой, не потревожив ни его вечно молодого сердца, ни его наивного, свободного от всяческих суждений взгляда. Ему чужды обиды.

¹ Флаг Канады с кленовым листом. *Прим. пер.*

Я хотела разобраться, каким образом самый обычный человек мог решиться на такое невероятное путешествие. Однако Жан Беливо – не обычный человек. Он, пожалуй, и *есть* воплощение жизни во всей ее поэтичности, необузданности и переливающихся красках.

*Жеральдина Вёсснер,
журналист*

Карта путешествия Жана Беливо

Посвящается моей дорогой Люси, поддерживавшей меня и мою мечту в каждый из 4077 дней моего путешествия

Начало

Я рухнул на диван в гостиной, бессильно вытянул ноги и отпустил мысли в свободный полет, слегка прислушиваясь к тому, как хозяйничает на кухне Люси. Чик. Дзынь. Вжик... выдвинулся ящик. Она переводит дух, а я никак не могу припомнить, сколько времени уже не слышал вот такого ее родного дыхания – совсем близкого, буквально за моей спиной... Я прислушиваюсь к ритму ее привычной жизни, словно к позабытой атмосфере детства.

Прошло четыре недели, как я вернулся. Домой. Но не к своей прежней жизни – на это я никак не решусь... Одиннадцать лет тому назад, прежде чем покинуть родные стены, я с особой тщательностью расставил по полкам коробочки с сувенирами, разложил подушки на шезлонгах, перебрал свои инструменты... Те самые предметы, что держали на прочном якоре весь мой мир, делая его незыблемым. «Ты голоден?» – вдруг прерывает мои размышления Люси, не прекращая позвякивать столовыми приборами. Переливы ее голоса напоминают мерцание жемчужного ожерелья. Надо просто – продолжаю рассуждать я – взять и вернуться к прежнему ритму, желательно не пошевелив при этом даже пальцем. Хотя... В ванной комнате силиконовый герметик давно требует замены, а у двери в садик надо бы заделать плинтус... Я поглубже забираюсь в приятную мягкость диванных подушек. Итак, что мы имеем? Я вернулся – и мой дом принял меня. Я не могу – да, в общем-то, и не хочу – больше бежать от него. Те предметы обихода, что его наполняют, – это своего рода тотемы, наши домашние божки, символизирующие стабильность течения жизни и каждого нового дня. К ним я снова привыкну. Просто все время сам откладываю это мгновение: еще на час, еще на денек, еще на недельку...

Одна француженка, которую я когда-то встретил в Чили у подножия горы, предупреждала: «Запомни: ты никогда не сможешь вернуться к прежним привычкам!» Она была права... Я умудрялся чувствовать себя абсолютно комфортно где-нибудь неподалеку от Лондона или Буэнос-Айреса, но дома, среди обычных вещей, вдруг ощутил себя совершенно потерянным. Ведь там, в пути, только два предмета были действительно драгоценными: подшпники для моей коляски да еще очки. Каждый день в течение многих часов я просто мерил шагами какой-нибудь очередной город... Пытаясь самому себе объяснить, как же случилось это путешествие, я перебираю в памяти фрагменты своей жизни. Вспоминаю детство...

Я родился в провинции Квебек, на молочной ферме в Эстрии, самом плодородном районе Южного Квебека, неподалеку от городка Асбестос, что, как вы догадались, и означает: «асбестовый». Там жила вся наша семья – пятеро детей да три десятка буренок. Молоко этих коров мы продавали и жили довольно благополучно до тех пор, пока моего отца не лишили права собственности... Дело в том, что в Квебеке закон дает преимущественное право на землю владельцам горных месторождений, а наша ферма располагалась как раз на границе одной такой разработки. Двухсоттонные грузовики сбрасывали пустую породу прямо на наши земли. Мой отец очень переживал; он помнил, что у нашего деда тоже когда-то отобрали землю... И вот однажды к нам прибыл судебный пристав, державший в руках документ на изъятие земельного участка: все было кончено... В одно мгновение.

Мой отец пытался бороться и вести переговоры с владельцами месторождения. Он даже инициировал судебный процесс. Я до сих пор помню, как он, скромный законопослушный фермер, идет на очередное судебное слушание и почему-то всегда держится поодаль, шагах в трех позади своего адвоката, будто какой-то разоблаченный преступник... Его борьба за справедливость длилась три года, но судиться с промышленниками в те времена было заведомо проигрышным делом. В конце концов отец отказался от своих исков и приобрел другой кусок земли, в десяти километрах от нашего прежнего дома. Но эта история уничтожила в нем «фермерскую жилку» – отца больше не радовала земля. Он распродал

все: наших коров, нашу технику, – открыв собственный кемпинг и банкетный зал. Мне тогда было пятнадцать, начинался новый этап нашей жизни.

Все привычное хозяйство предстояло перестроить. Теперь зимой мы проводили для постояльцев горнолыжные курсы, постоянно устраивали какие-то банкеты, свадьбы. Можно сказать, что в эти годы мы опять были счастливы... ну или почти счастливы, работая плечом к плечу в семейном бизнесе... Но все же мой отец был неисправимым фантазером. Он мечтал «выкопать озерцо», чтобы разводить там радужную форель, грезил собственным полем для гольфа... Ни один из этих проектов успехом не увенчался. Мы едва сводили концы с концами. И однажды, неожиданно для всех и самого себя, я покинул семейный бизнес.

Быть может, уже тогда, в те далекие времена, я помышлял о бесконечных путешествиях, испытывал это нестерпимое желание уехать куда глаза глядят? Мне часто задают этот вопрос. Наверное, люди думают, что вкус к приключениям и жажда путешествий записываются задолго до рождения прямо в генокод? Мне жаль их разочаровывать, но приходится отрицательно качать головой в ответ... Эта идея раньше вообще не приходила мне в голову. По крайней мере, в юности. Я любил и нашу землю, и нашу семью, и наш образ жизни. Но для меня всегда имело значение только одно: оставаться самому себе хозяином нужно любой ценой.

Одно воспоминание из детства кажется мне по-настоящему ужасным. Целый год я проучился в школе-интернате при монастыре. По заведенному правилу на утреннее умывание мы должны были построиться в очередь по классам, кровать полагалось застилать по сигналу старшего, а расходиться по кельям мы были обязаны в строго оговоренное время. Монастырские сестры, опекавшие учеников, придумали свою систему школьных оценок. У них был список с именами всех детей, и рядом с каждым из них сестры ставили цветочек. Желтый лютик обозначал, что ребенок учится безупречно. Помню, был еще синий колокольчик, красная гвоздика... И сиреневая мальва – ею обозначали самых заурядных детей, бесперспективных, как сказали бы сейчас. Каждую неделю я с содроганием сердца предугадывал, что свое имя найду в числе неумех. А разве система могла обращаться с нами как-то иначе? Вот почему я всегда был уверен, что должен оставаться самому себе хозяином – по крайней мере, не нужно ни перед кем отчитываться. Именно тогда, в детстве, глядя на эти цветочки, я пришел к глубочайшему убеждению: жить можно только свободным. Иначе это не жизнь.

В школе я никогда не блистал успехами. Но всегда любил и умел рисовать. Говорили, что у меня «есть данные». Однажды я решил запустить собственный бизнес по изготовлению наружной рекламы. Закупил краски и приступил к делу. Некоторое время я брал заказы на оформление грузовиков: выводил на их бортах красивые ровные надписи. Потом моя компания выросла, бизнес расширился, я обзавелся партнерами, нанял персонал и приобрел небольшой склад. Продажи неуклонно росли: нашими неоновыми вывесками украшали даже городской стадион! Этот период моей жизни, пожалуй, был самым «нормальным» и, безусловно, самым продуктивным. Я работал много и говорил четко, размашисто подписывал контракты и решительно осваивал новые рынки. Деньги манили меня, как искусная любовница, и мне нравилось их зарабатывать. Кстати, именно в тот счастливый период жизни я встретил женщину своей мечты.

Люси весьма отличалась от моей прежней спутницы жизни. Надежная, зрелая, умная. Она была старше меня, но каким-то образом так случилось, что с самого первого взгляда мы потянулись друг к другу. Кем я был тогда? Крутым парнем, который продает крутые вывески. А она – сама загадка, воплощение тайны... Именно Люси удалось сделать меня по-настоящему раскованным. Ведь до той поры все мои знания о мире ограничивались поездками в Вегас и Орландо на конференции для производителей наружной неоновой рекламы. А она побывала и в Индии, и в Непале, и в Израиле, и в Египте... И, конечно, знала массу историй. Первое лето, что мы провели вместе, я постоянно пребывал в состоянии какого-то дет-

ского восторга, слушая ее волшебные истории о Мерлине, короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Моя собственная «библиотека», доставшаяся от отца, состояла всего из одного атласа Grolier², который я перелистывал перед сном. А моя возлюбленная посвятила меня в удивительную историю завоеваний Чингисхана... Благодаря Люси я открыл неизведанный доселе мир. Она сумела подарить мне новое измерение жизни! Именно тогда и начались мои первые воображаемые путешествия. У одного из своих клиентов я однажды углядел туристическую брошюрку с бирюзовым морем и парусником на обложке. И тотчас записался в парусную школу на озере Шамплейн³, в устье реки Святого Лаврентия⁴. Я собирался построить собственное судно прямо на заднем дворе нашего дома. Эту мечту я пестовал, буквально проглатывая книги знаменитых яхтсменов – Бернара Муатесье⁵ и Эрика Табарли⁶. Я делал это с таким же рвением, как в детстве, когда придумывал собственное нелепое судно на винтовом ходу. «Ничего не выйдет, мальчик мой», – ворчал дед... Я был заложником собственных фантазий и желаний. «Однажды я обязательно стану моряком». «Однажды я подниму якорь на судне, которое сам построю». «Однажды...»

Я скажу вам, как все могло обернуться... Я бы до конца своих дней сидел дома и скреплял деревянные дощечки и палочки между собой. Подражая своему отцу, в так и не вырытом озере удил бы призраков собственных иллюзий. Ведь я оставался одним из миллионов мечтателей, которые поддерживают огонь перед алтарем своей мечты, то и дело подбрасывая в него угольки поэтичности и щепотки безумства, чтобы невероятный костер продолжал полыхать... Однако эти фантазеры так и не решаются сжечь дотла свою скучную повседневную жизнь...

Но тут грянула буря. Она смела на своем пути все плотины и дамбы. 5 января 1998 года ледяной шторм обрушился на юго-восток Квебека. Проливные дожди с градом целых пять дней бушевали над городом, парализовав в нем жизнь, нависая над нашими домами, над верхушками крыш. И вот, укрывшись в своем домике в самом эпицентре стихии, мы с Люси в крошечной темноте ужасались тому, как ледяные наросты крушат растущие вокруг клены и рвут электрические кабели. По счастью, у нас был дровяной камин, так что, оставшись без электричества, мы все же могли греться. Вокруг царил апокалипсис. В лагерях для беженцев, организованных при поддержке военных, тысячи людей наблюдали, как их мир рушится. Были зафиксированы случаи гибели людей от гипотермии. Казалось, что этот шторм никогда не закончится – будто нас приговорили навсегда исчезнуть в ледяном полумраке.

На ликвидацию последствий ушло больше месяца. Но забыть пережитый шок мы не смогли. Как удар по почкам – полностью уже не оправишься. Я понимал, что продажи мои неизбежно упадут и клиенты отложат заказы на новые неоновые вывески. На долгое время наступил «мертвый сезон», и многие мои сотрудники уехали из Квебека. Каждый день я приходил к дверям своей фабрики, но не мог даже поднять глаза на нее, совершенно подавленный. Конечно, можно было выправить положение, ведь я был членом программы финансовой помощи малому бизнесу. Но ледяные ветры напрочь сдули с меня «защитный панцирь»,

² Американское издательство, выпустившее самые знаменитые энциклопедии США. *Здесь и далее там, где это не оговорено особо, примечания даны переводчиком.*

³ Крупное озеро на границе США и Канады, имя которому подарил Самюэль де Шамплен, или де Шамплейн, великий французский путешественник, основавший первые поселения французов в Канаде.

⁴ Одна из главных рек материка, соединяет Великие озера с Атлантическим океаном. Вдоль берегов этой реки, названной в честь римского святого, французские поселенцы создавали свою «Новую Францию», которая впоследствии стала Квебеком, Французской Луизианой и другими колониями на Североамериканском континенте.

⁵ 1925–1994, французский путешественник, писатель, настоящий хиппи, ценитель прекрасных женщин, хорошего рома и приключений.

⁶ 1931–1998, легенда французского парусного спорта, гонщик, получивший за трансатлантическую гонку орден Почетного легиона из рук самого Шарля де Голля. Знаменитый писатель, романтик и затворник, вырастивший только одного родного сына, но при этом создавший школу профессиональных морских юнг.

так необходимый в любом бизнесе. Я чувствовал себя голым, беззащитным и докатился до такой переоценки ценностей, из которой, очевидно, не выбрался бы уже никогда. В ситуации жесткого потребительского кризиса мне все же удалось найти себе местечко торгового представителя компании по производству наружной рекламы. Отныне каждое утро я застегивал рубашку на все пуговицы, отправлялся впаривать клиентам товар и пел им одну и ту же песню с навязшими в зубах словечками: «Проработка проектов – маркетинг – новые рынки – продукция». А выходя от очередного клиента, снова и снова ревел в своей машине. По всей вероятности, у меня была депрессия. Но разве, рассуждал я, депрессия – не обычная болезнь, которая лечится таблетками? Временами я думал о том, чтобы покончить с собой. На тот момент мне было 43. Мне казалось, что во имя денег я гроблю собственную жизнь.

И тогда, чтобы избавиться от стресса, я начал ходить пешком. Потом принялся бегать. Я в совершенстве овладел собственным телом, и это приносило некоторое утешение. Казалось, тело – моя последняя и единственная обитель, над которой я еще сохраняю власть. Дурные мысли улетучивались... А ведь я всегда был рабом золотого тельца, признавая, что деньги – это единственный способ выжить в современном обществе. Как я рассуждал в то время? «Не умеешь зарабатывать – значит, ты ничтожество!» Назубок выучив эти «правила игры», я подогнал под них всю свою жизнь. Мне легко давалось искусство продаж – по большому счету, я мог продать что угодно. В моем предпринимательском прошлом я запросто разделялся с конкурентами – не гнушался распахивать их локтями, беззастенчиво обходил их окольными путями, разрабатывал мудреные схемы для того, чтобы заполучить их бизнес. Не раз случалось, что я вел себя как распоследний мерзавец, исступленно предаваясь гонке за наживой. И вдруг выяснилось: все, на что я равнялся, в один момент обесценилось. Где мои ценности теперь? Чем я их заменяю? Во мне сломалась какая-то пружина – и я понял, что больше не смогу вынести жестокой конкурентности этого мира. Меня будто загнали в тупик, распластав по стенке. Было ясно, что предстоит найти истинные, общечеловеческие ценности... Но в глубине души я так и не понимал, чего же мне не доставало.

И не понимал, куда бежать.

Выхода было два: смерть или бегство. Но если бегство, то непременно на грани безумства, экстрима, риска.

Я где-то потерял свою душу. Нужно было отправляться на ее поиски.

В один прекрасный день, в ноябре 1999 года, я как обычно делал пробежку по набережным Старого порта и большими шагами отмерял путь от острова Святой Елены к мосту Жака Картье. Вдруг меня осенила одна идея. Интересно: если не останавливаться, то как далеко я смогу убежать? Я принялся подсчитывать. Сколько времени займет моя пробежка до границы Канады, до Нью-Йорка, Техаса, Мексики?.. А дальше? Сколько нужно человеку, чтобы бегом обогнуть земной шар?..

Какой бы безрассудной ни казалась поначалу эта идея, по мере того как она овладевала мной, исчезала и привычная депрессия. Вернувшись домой, я лихорадочно развернул карту полушарий, достал циркуль и начал представлять, куда мог бы отправиться. Это возможно, это вполне осуществимо. Следующие несколько месяцев я посвятил тому, что в атмосфере строжайшей тайны покупал карты, выверял свои маршруты. Разумеется, Люси ни в чем не должна усомниться! Но прежде чем открыться ей, я должен был услышать от кого-нибудь, что не сошел с ума. И делился своими планами со случайными встречными: бомж на парковой скамейке, ребята из пожарной команды, давшие мне попить, коллеги с работы. И вот однажды завершенная картина предстала передо мной во всей своей безупречности: я пересеку пять континентов. Согласно моим предварительным подсчетам, путь без остановок должен занять порядка шести лет.

И вот тогда я ощутил, как неведомая сила разлилась во мне.

Официальное заявление

Я назначил дату. 18 августа 2000 года, день моего рождения, должен был стать и днем моего преображения. Жан-путешественник оставит дома «коммерсанта Беливо» с тем, чтобы покорить мир – или же быть покоренным непомерной тяжестью мира. Время покажет... Я хорошо подготовился к предстоящим испытаниям: прошел медицинские обследования, сделал необходимые прививки, даже обзавелся ортопедическими стельками – ведь я с ужасом обнаружил, что страдаю плоскостопием! Все карты были готовы, решимости мне было не занимать. Оставалось преодолеть самый болезненный этап: сообщить о своем плане Люси и моей семье. Я знал, что не отступлюсь, с какой бы реакцией ни столкнулся, но по мере приближения заветного дня этот вопрос все более угрожающе зависал надо мной, как дамоклов меч. И тогда я решил предупредить всех в самый последний момент, опасаясь, что контраргументы дорогих людей запросто разрушат мою мечту. Нельзя было оставить им ни минуты времени сделать это! Кстати, Люси однажды сказала: «Если у тебя есть какое-то заветное желание, держи его в тайне, чтобы оно не разрушилось в самый неподходящий момент».

Утром 23 июля, за четыре недели до старта, я, как обычно, натягивал спортивный костюм, слушая, как моя любимая накрывает стол для завтрака. Люси провела ночь в жестокой бессоннице, поэтому была вся на нервах и в напряжении. Мне почему-то показалось, что откладывать на сколько-нибудь еще наш *очень важный разговор* нельзя и тянуть время дальше так же сложно, как вручную раздвигать стены.

– Что-то не так? – обернулась ко мне Люси.

– Мне надо кое-что тебе сказать!

Мой драматичный тон сразу заставил ее собраться.

– Люси, я решил покончить с такой жизнью, – произнес я и в подтверждение сказанного нарисовал в воздухе петлю⁷.

После такого жеста в комнате повисла леденящая тишина, и я внезапно понял, что сейчас Люси подумает: я собрался удавиться! Все заранее заготовленные фразы тотчас вылетели у меня из головы, и дальнейшее я выпалил на одном дыхании:

– Я пойду пешком вокруг света... Лет на двенадцать... Вот для чего я тренировался, Люси... Устрою себе такую пробежку...

– Как же ты собрался выживать?

– Буду проситься на ночлег к кому-нибудь, добрых людей полно... Буду просить милостыню. Знаешь, я тут подыскал себе колясочку – упакую в нее свои вещи...

Моя милая Люси! Такая цельная, и при этом вся как на ладони. В длинных паузах, которые будто знаками препинания размечали наш лихорадочный и слегка безумный диалог, я видел в ее глазах всю радугу человеческих эмоций. Ее вопросы были такими прямыми, в них было столько отчаяния... Временами казалось, будто она, чтобы не свалиться в ужасную пропасть, пытается уцепиться за обои на стене комнаты.

– Ты будешь возвращаться домой хотя бы иногда?

– Нет! Идея в том, чтобы я ушел и вернулся только тогда, когда пройду весь маршрут. Это будет лет через десять... Но ты, ты-то можешь приезжать со мной повидаться!

– Ты хочешь расстаться со мной?

– Ну что ты? Конечно же, нет! Я люблю тебя и больше всего на свете хочу продолжать быть вместе. Но сейчас мне необходимо уйти. Если тебе нужна свобода – я пойму. Решать тебе.

⁷ По-французски эта фраза звучит дословно как *boucler la boucle* – «замкнуть петлю». Этим и объясняется жест Жана.

Именно сейчас, в эти несколько секунд, будут сыграны все ставки. Я вслепую сделал шаг в неизвестность. Могу вот-вот грохнуться в пропасть... Как вдруг, незаметно для самого себя, я ощутил твердую почву под ногами. Спустя минуту, которая показалась мне вечностью, она подняла на меня глаза.

– Ладно. Давай попробуем.

Мы бросились друг другу в объятия, и уже совсем скоро погрузились в детали моего плана. Я поделился с Люси своими записями, картами, планами, предварительными расчетами маршрутов. И вдруг она воскликнула: «Ты должен сделать это во имя мира во всем мире!» Моя дорогая Люси, мой великий миротворец! А я ведь думал только о том, чтобы сбежать из дома куда глаза глядят... Она же придумала моему побегу разумное объяснение.

Мой сын Томас-Эрик обнаружил нас – с зареванными лицами, красными глазами, всклокоченными волосами – разгоряченными и размахивающими руками над географическими картами, которые были хаотично разбросаны по столу между кофейными чашками. Я отчетливо помню то мгновение, когда в дверном проеме показался его силуэт, напоминавший о присущей всем двадцатилетним расхлябанности. Через плечо небрежно перекинуты ролики, связанные между собой шнурками.

– Вот, ухажу пешком в кругосветное путешествие. 18 августа выйду из дома, – я решил не пускаться в особенно сложные пояснения.

Сын звонко рассмеялся – так журчит весенний ручеек, – и этот звук принес моему сердцу желанное облегчение. Томас нашел только одно слово в ответ:

– Кру-у-у-то-о-о-о!

Каким бы невероятным это ни показалось, но к походу я подготовил только свое тело, на безупречную работу которого очень рассчитывал. И больше ни-че-го! Последующие три недели вплоть до самого старта превратились в круговорот нерешенных оргвопросов! Скромная зарплата Люси не позволила бы ей поддерживать меня, так что первым делом нужно было решить вопрос денег. После увольнения на моих счетах оставалось не очень много сбережений – порядка четырех тысяч долларов... Нужно было распределить их так, чтобы хватило на всю кругосветку. В тележку, которой я обзавелся – в сущности, простую трехколесную детскую коляску, – надо было впихнуть самое необходимое: спальник, консервный нож, кое-какую одежду и аптечку. Я даже не потрудился проверить свою палатку, купленную всего за пару дней до начала путешествия. А зачем нагружать себя плиткой? Не такой уж я гурман – обойдусь холодными консервами! Кроме того, полагал я, в дороге ко мне придет все, в чем буду нуждаться. А для того, чтобы обойти земной шар, не так уж много нужно: резиновые заплатки для колес, карманный фонарик... Пара ног, три колеса, решимость и, конечно, любовь. Запомните, пожалуйста, то, что я вам сейчас скажу: без любви я бы никогда не смог проделать этот путь.

В день отъезда сердце переполнялось чувствами. Я вспоминаю до сих пор, как мой отец с улыбкой воскликнул:

– Я бы и сам не прочь проделать нечто эдакое! Дерзай, сынок!

Мама буквально повисла у меня на шее и со слезами твердила:

– Ну конечно же, ты должен идти, должен, должен!

А моя дочь Элиза-Джейн, которая была уже на третьем месяце беременности, с улыбкой произнесла:

– Беги, Форрест, беги!⁸

В девять часов утра 18 августа 2000 года на углу улиц Вольф и Святой Екатерины, прямо под веселенькими гирляндами, украшавшими фасады этого уголка Гей-Виллидж, вокруг моей колясочки неспешно прохаживались около десятка моих знакомых. Люси,

⁸ Цитата из фильма «Форрест Гамп», где герой Тома Хэнкса тоже устроил себе пробежку по территории США.

почему-то убежденная, что мое предстоящее приключение должно произвести неизгладимое впечатление на СМИ и спровоцировать по всей стране небывалый подъем общественного мнения, на восемь утра пригласила прессу. Но ни один журналист так и не явился. Из всех сил выдавливая улыбку, мой отец энергично протянул мне синий пакетик. «Потом посмотришь», – добавил он. Элиза-Джейн плакала, Люси хранила молчание. Мы обнимались долго. Крепко. И я ушел.

Добравшись до середины моста, я заглянул в синий пакетик. Внутри лежала пачка банкнот – пятьсот долларов! – и упаковка сырных крошек⁹. Моих любимых...

Старт

⁹ Рубленый кусочками сыр, в США называется cheese curds, а французы именуют его fromage en grains.